

Своеобразным "ядром", "стержнем" эмпатии в традиционной культуре народов Кавказа является *псапэ* – чистое, свободное от корысти благодеяние. "Псапэ выполняет роль внутреннего постоянно действующего мотива благородных поступков и достойного образа жизни" (с. 116). Считается, что всякое благодеяние духовно обогащает человека, облагораживает его. При этом Б.Х. Бгажноков подчеркивает бескорыстность этого установления. Буквальное значение слова "псапэ" – "опора (основа) души", что напоминает значение буддистских понятий *пин* – "моральная заслуга" и *карма* – воздаяние (с. 117). Но, как отмечает Б.Х. Бгажноков, буддистские понятия подразумевают заслуги за воздержание от "неправильного" поведения, в то время как пафос псапэ "в чистом, свободном от корысти благодеянии", состоящем "в нравственно полноценных действиях", вызывающих у человека "прилив сил и чувство удовлетворения" (с. 117). Если выразить данное явление упрощенно, то индивид получает удовольствие и испытывает радость от бескорыстного благодеяния (сочувствия, переживания) и чувствует себя Человеком.

Значение рецензируемой книги не только в утверждении гуманистического подхода, но и в том, что читатель может соприкоснуться с мудростью Кавказа и мудростью традиции в целом. Заслугу автора я вижу в том, что он показал прямую связь древних традиций с современными теориями и нашел место переживающему человеку в интегративном этнологическом знании.

ЭО, 2006 г., № 4

© А.А. Сирина. Рец. на: *Piers Vitebsky. Reindeer People. Living with Animals and Spirits in Siberia*. L.: HarperCollins Publishers, 2005. 464 p.

В последнее время в британской антропологии ведется дискуссия о том, "как облечь антропологическое знание в формы репрезентации, более доступные неспециалистам"; Дж. Глэдхилл, в частности, призывает к нахождению более свободных форм антропологического описания. Но проблема состоит в том, что они требуют от антрополога художественного таланта и "чутья к тонкостям межкультурного перевода" (*Харвей* 2005: 29). Практически все творчество Пирса Витебски (Институт им. В. Скотта Кембриджского университета, Великобритания) является поиском таких свободных форм.

Автор книги "Оленные люди. Жизнь с животными и духами в Сибири" начинал работать среди *сора* – южноиндийских земледельцев, охотников и собирателей. По итогам работы он опубликовал книгу "Диалоги с умершими. Дискуссии о смерти у сора Восточной Индии", которая получила высокую оценку в научной прессе. То, что отметила Е.В. Ревуненкова в отношении книги П. Витебски о сора, можно дословно повторить в отношении его последней книги об эвенах: "книга написана нетрадиционно, в ней совершенно отсутствуют некоторые привычные научные стереотипы и категории" (*Ревуненкова* 1998: 421).

Книга П. Витебски – увлекательное повествование прежде всего из-за необычной формы подачи материала. Я читала ее в метро, чтобы не терять времени в поездках из дома на работу, и на мой вкус это было ничуть не хуже, чем бестселлеры Харуки Мураками. В художественном произведении герои, созданные воображением автора, обретают известную самостоятельность и могут действовать даже вопреки его воле, т.е. писатель пишет так, как "диктуют" ему им же созданные образы. В то время как писатель имеет право на художественный вымысел, ученый "привязан" к полевым материалам, удерживаясь в рамках той или иной научной традиции или создавая нечто новое, не подходящее ни под одно научное направление и ставящее в тупик историков науки. Именно такова последняя работа П. Витебски – это сочетание постмодерна, психологической антропологии, фрейдистской концепции психоанализа и многого другого. Благодаря свободному стилю изложения в книге есть место тому, что в "классических" научных трудах практически невозможно сохранить, то, что остается обычно на страницах полевых

Анна Анатольевна Сирина – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.

дневников, на магнитной пленке, на страницах черновиков, которые должны стать "научными", иначе говоря – на пути приобретения знания.

На первый взгляд, российскому читателю книга может напомнить научно-популярные и художественные произведения советских этнографов-сибиреведов. Неудовлетворенность научным языком при описании культуры подталкивала ученых с художественными способностями к "параллельному" творчеству, написанию научно-популярных, а в некоторых случаях и художественных, книг. Поэтому в российской научной литературе задолго до смены парадигмы исследований апробировались разные подходы. И что любопытно, на эти книги ссылаются едва ли не чаще, чем на научные произведения тех же авторов. Образность – особенность познания мира и мышления, которая дает больше (по крайней мере, в этнографических и антропологических исследованиях), чем научные тексты, порой лишенные живого человеческого присутствия.

В новой книге П. Витебски описывает культуру современной якутизированной группы эвенов Северо-Западного Верхоянья (Кобяйский улус Якутии), преимущественно оленеводов, давая срез их жизни в период перехода от одной системы государственного, экономического и идеологического устройства к другой.

Эвены – малочисленный народ Севера, охотники-олeneводы, в России по переписи 2002 г. их чуть более 19 тыс. человек, в том числе в Якутии – 11 657; эвенский язык относится к тунгусо-маньчжурской ветви алтайской языковой семьи. До недавнего времени этот народ был одним из самых малоизученных в российской этнографической литературе, не говоря уже о зарубежной. П. Витебски работал у верхоянских эвенов с 1988 г., с тех самых пор, как открылась возможность поехать в СССР не в качестве туриста, а в качестве этнографа-полевика. В работе он использовал ту же методику сбора полевого материала, что и большинство российских североведов, с почти ежегодными выездами в поле на срок от двух недель до нескольких месяцев. Огромный опыт, хорошее знание русского языка, любопытство и талант исследователя помогли П. Витебски преодолеть границы "чужих" владений. Большую помощь в этом оказали сами аборигены, прежде всего уроженец Верхоянья, ставший этнографом не без влияния автора книги. Анатолий Афанасьевич Алексеев (Алексеев 1993, 2003; *Alekseev* 1992).

Но отчего произошел такой резкий поворот на север? И что общего между сора юго-восточной Индии и эвенами северо-востока России? Сам ученый подчеркивает, что ему интересны судьбы империй и людей, живущих на границах этих империй. В обоих случаях автором движет интерес к путям и способам выживания людей в условиях политического и экономического доминирования государств, в которые они включены. Сибирь и Индию может связывать также шаманство, которое, по одной из гипотез, возникло в Индии, а оттуда распространилось на север (*Штернберг* 1936). А к шаманству у Пирса Витебски имеется неизменный интерес (*Vitebsky* 1995).

Если специфической особенностью культуры сора являются постоянные диалоги с умершими, то у эвенов, по мнению Пирса Витебски, доминанта всей жизни и культуры – домашний олень. У верхоянских эвенов сохранились представления о летящем олене и обряд, посвященный богу-духу Хэвки. Автор связывает его с верованиями древних насельников Сибири, о которых известно из археологических работ, – допущение, слишком смелое для научной работы, но вполне приемлемое для популярной. Автор мастерски отреферировал и популярно изложил результаты исследований советских и российских ученых, археологов и этнографов в области истории оленеводства в Евразии (с. 17–39). При этом текст и рисунки не содержат привычных и необходимых для научных работ примечаний; лишь к некоторым из них есть сноски-пояснения.

Как и в жизни, в книге домашний олень служит тем каркасом, тем связующим звеном, на котором держатся вся сюжетная линия и все повествование как цельный текст. По законам избранного жанра незачем рассказывать читателю о том, что крупнотабунными оленеводами эвены стали относительно недавно, в конце XVIII – начале XX в., включая время советского колхозного строительства, будучи типичными охотниками-олeneводами горной тайги.

"Я попытался исследовать то, как сила природы и жестокость истории испытывали эвенов, путем раскрытия их личных судеб и их переплетений между собой – подход, который еще не

применялся в антропологических исследованиях в Сибири, – чтобы дать убедительное свидетельство их выносливости, гибкости и юмора" (с. VIII).

Структура книги необычна. Приведу ее полностью.

Пролог. Полет души к солнцу. Ч. I. Партнерство людей и оленей. 1. Доисторическая оленья революция. 2. Цивилизуя кочевников. Ч. II. Сказание о двух стадах. 3. Истребление 2000 оленей Бабушки, 7-е стадо. 4. Восстановление стада Бабушки: позднесенняя стоянка, 1–2 августа. 5. Мигрируя в осень, 3–8 августа. 6. Грибной кризис Кости, 10-е стадо. Интерлюдия: Одиночество и тишина. Зимняя охота Владимира Николаевича. Ч. III. Бусы для аборигенов. 7. Напуганные дети и презренные женщины. 8. Мужчины в радости и мужчины в отчаянии, 8-е стадо. 9. Ландшафт с ГУЛАГом: затронутый безумством белого человека. 10. Убивая шаманов и укореня обман. Ч. IV. Духи земли. 11. Души животных и судьба человека. 12. Сны о любви и смерти. 13. Жертвоприношения на могиле кочевника. 14. Приезд моей семьи. 15. Как вызвать вертолет. Эпилог. Переживая конец империи.

Список действующих лиц с их изначально заданными характеристиками, как в пьесе, предваряет изложение. Роли директора совхоза и лесоруба-ударника, как официальных представителей и последователей советской системы организации хозяйства, – отрицательные, роли простых оленеводов, поддерживающих связь с землей и духами, – положительные.

Постепенно П. Витебски вводит читателя в ритм жизни современных оленеводов, показывает конкретные судьбы, каждодневные проблемы и взаимоотношения людей в переходный период российской истории. Текст сконструирован так, что читатель словно становится тенью антрополога, – встречается с людьми, разговаривает на самые разные темы. Для процесса сбора материала характерна ситуативность диалогов, дискретность информации. Затем автор "играет" с материалом, интерпретируя, дополняя и переосмысливая его на основании новых данных. Перечислю некоторые темы, затронутые лишь в одной (второй) части книги: состав бригад и семей оленеводов, оленеводство (знаки собственности, способы выпаса, терминология, уход за оленями, циклы и описание перекочевков, ветеринария), природа, разговоры по рации, этика взаимоотношений и этикет прихода-ухода, культ огня, культ слова и еще многое другое. Обыденная жизнь оленеводов, увиденная глазами антрополога, нанизана на объединяющий сюжет: судьбы оленеводов седьмого оленьего стада, которое из-за подозрения на бруцеллез было почти все забито.

Очень хороша "интерлюдия" – описание зимней охотничьей поездки Витебски к эвенам. Ощущения, которые потрясли ученого – безмолвие заснеженной пустыни, одиночество в холодном пространстве снегов, беспомощность городского человека в незнакомом ландшафте и практически полная зависимость от Другого – по культуре, менталитету, гражданству, языку, – тонко подмечены и великолепно пересказаны автором на страницах книги. Уверена, что большинству этнографов, работающих на Севере, подобные ощущения хорошо знакомы.

Глубокие перемены произошли в культуре эвенов в советское время. Это отчуждение от земли, раздельная жизнь мужчин и женщин в связи с переходом к производственному кочеванию, воспитание детей в интернатах, репрессии раннего советского времени в отношении шаманов, алкоголизм и суицид. Они проанализированы на примере судеб конкретных людей и их семей в третьей части книги. Пожалуй, впервые в этнографическом исследовании обращено внимание на ландшафт ГУЛАГа.

Духам земли, иначе говоря, современной мировоззренческой, духовной жизни эвенов, посвящена четвертая часть. Пути выживания и сохранения себя и своего образа жизни связаны со знанием земли и духов. Знания эти живы среди современных оленеводов, они обсуждаются, переосмысливаются, развиваются. Якутские и, шире, тюркские влияния сказались в том, что образ этих духов порой синкретичен, а иногда и прямо заимствован. Так, обычай *дэлбургэ*, образ хозяина леса и промысловых зверей *Байаная*, обряд *салاما*, особенности поведения некоторых охотников, – все это тюркские черты и заимствования, инкорпорированные в ткань эвенской культуры. Автор книги описывает их через порой противоречивые рассказы и истории, мнения и опыт разных людей. Дух леса Байаная видится ученому как обширное поле разделенных со-

знаний, которые, словно сетью, опутывают ландшафт, а также как роли людей и животных в драме преследования, убийства и потребления (с. 268).

Способы угадывания будущего, связь домашнего посвященного оленя с человеком, его хозяином, животное как двойник человека, роль снов в культуре эвенов, – все это автор подает в книге как ситуативно выстроенные истории. Автор избегает определений, классификаций и обобщений, выяснения происхождения того или иного персонажа в картине мира верхоянских эвенов, изучения культурных взаимовлияний эвенов, якутов, русских, предпочитая нарисовать картину увиденного и услышанного и дать ей интерпретацию, которая постоянно уточняется, дополняется, становясь порой противоречивой и многомерной, как сама жизнь. Постепенно осознаешь, что для ученого важно не столько само знание, сколько процесс его приобретения и интерпретации.

С этой точки зрения книга представляет несомненный интерес для начинающих полевых этнографов и антропологов, но опять-таки никаких рекомендаций типа "делай как я" вы там не найдете. Визит семьи ученого в пространство эвенской земли и культуры помог установить еще более тесные отношения с информантами, создать ситуации, в которых люди проявили себя по-иному, обогатить собранные данные. Эта история полна юмора, любви, переживаний за своих близких.

В эпилоге П. Витебски привлек свои полевые материалы по ненцам и эвенкам южной Якутии, выявляя некоторые общие тенденции развития оленеводства и положения народов Севера.

Вызов и привлекательность постмодерна состоит в том, что исследователь показывает не только многообразие и сложность исследуемых обществ (избегая выявления каких-либо универсалий, или закономерностей), но должен, по правилам жанра, открыто показать свои подходы. Но как раз автор – загадка этой книги. С одной стороны, он предельно открыт – в своих диалогах с людьми, в интерпретации диалогов, в эмоциях. П. Витебски обладает завидным чувством юмора, которое не только помогает устанавливать контакты с людьми, но и по-новому освещает отношения антрополога и его информанта, методы работы, столкновения наших ожиданий и действительности, психологии восприятия, вопросы традиции и способы ее трансляции, культурные заимствования. Приведу небольшой отрывок из книги, где автор пишет об обычае кормления огня у эвенов, чтобы читатель сам смог составить некоторое представление о методах работы и стиле письма автора.

"По прибытии на новое место самое главное – накормить огонь. Делая это, вы устанавливаете связь с местом, которое воспринимает вас как своего гостя. Вы можете сопровождать подарок молитвой вслух или про себя [...]. Именно это подношение, а не установка палатки создает ваше жилое пространство в ландшафте. Постоянно кормя огонь, вы можете поддерживать эту связь. Я посчитал это действие самым легким и приемлемым, и оно стало обыденной частью моей жизни в Англии.

Однажды я пришел к старому оленеводу Софрону (в Якутии. – А.С.), чтобы выяснить генеалогии и истории родов [...]. Я открыл бутылку, и прежде чем наполнить кружку и предложить ее старику, плеснул полную чашку водки в печку. Мой хозяин с удивлением посмотрел на меня. "Как интересно", – задумался он, – у нас есть точно такой же обычай! (с. 85–86) [...]

Мы накормили огонь остатками водки, которые я потихоньку сохранил от ужина.

– Как ты думаешь, что он (огонь. – А.С.) говорит нам? – спросил я Толю.

– Он говорит: день был долгий, пора спать! – ответил Толя, закрыв глаза и натянув капюшон спальника на нос" (с. 88).

С другой стороны, эта открытость обманчива: читатель увидит только то, что хочет автор, и узнает о нем, его подходах и методах работы ровно столько, сколько хочет сам автор. Это постоянный догляд за собой при написании текста вызывает сомнения относительно самой возможности "объективной" рефлексии, считающейся сильной стороной постмодерна.

Написанная пьеса увлекательна, и автор сыграл в ней главную роль. Теперь самое время читателю-антропологу потрудиться над текстом, если есть желание включить его в свои научные работы.

Закрытое для иностранцев сибирское "поле" открыто уже много лет. Немало исследований проведено, диссертаций, книг и статей написано (*Schweitzer 2001; Вахтин, Сирина 2003*). В этом ряду книга П. Витебски занимает особое место, и не только по научному вкладу (это первая работа в англоязычной литературе по эвенам), но и по ее оригинальности, а следовательно, и по тому интересу, который она вызовет среди людей разных профессий.

Литература

Алексеев 1993 – Алексеев А.А. Забытый мир предков. (Очерки традиционного мировоззрения эвенов Северо-Западного Верхоянья). Якутск, 1993.

Алексеев 2003 – Алексеев А.А. "Он есть начало и конец всего...". Культ огня у эвенов // Илин. 2003. № 2–3. С. 77–85.

Вахтин, Сирина 2003 – Вахтин Н.Б., Сирина А.А. "Кому принадлежит сибирская этнография?" Размышления после международного семинара по методике, методологии и этике этнографических исследований на севере Сибири // Этнограф. обозрение (далее – ЭО). 2003. № 3. С. 141–148.

Ревуненкова 1998 – Ревуненкова Е.В. Piers Vitebsky. Dialogues with the Dead. The Discussion of mortality among the Sora of Eastern India // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 12. 1998. С. 419–425.

Штернберг 1936 – Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографического исследования. Л., 1936.

Харвей 2005 – Харвей П. О преимуществах структурной маргинальности британской социальной антропологии // ЭО. 2005. № 2. С. 25–31.

Alekseev 1992 – Alekseev A. Healing Techniques Among Even Shamans // Shaman. Vol. 2. 1992. № 2. P. 160–164.

Schweitzer 2001 – Schweitzer P.P. Siberia and Anthropology: National Traditions and Traditional Moments in the History of Research. Habilitationsschriet. Eingereicht an der Human- und Sozialwissenschaftlichen Fakultät der Universität Wien. Wien, 2001. 376 S.

Vitebsky 1995 – Vitebsky P. The Shaman. L.: Dunkan Baird Publishers, 1995.